

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Жорж
САНД

КОНСУЭЛО

Том 2

Харьков
«Фолио»
2013

ГЛАВА 61

Воспользовавшись первой же представившейся возможностью, Консуэло вышла из гостиной и спустилась в сад. Солнце село, первые звезды, спокойные и бледные, мерцали в небе, еще розоватом на западе и уже темном на востоке.

Юной артистке хотелось вдохнуть покой чистого прохладного воздуха первых осенних вечеров. Страстное томление теснило ей грудь, пробуждая в ней в то же время угрызения совести, и она призывала все силы души на помощь своей воле. Она могла бы задать себе вопрос: «Да неужели я не знаю, люблю я его или ненавижу?» Консуэло трепетала, словно чувствуя, что мужество покидает ее в опаснейшую минуту ее жизни; и впервые она не находила в себе той непосредственности первого побуждения, той святой уверенности в правильности своих намерений, которые всегда поддерживали ее в испытаниях. Она покинула гостиную, чтобы уйти от чар Андзолето, и в то же время смутно желала, чтобы он пошел за ней.

Листья начинали осыпаться; когда, разметаемые подолом платья, они шелестели позади нее, ей чудились чьи-то шаги; она готова была бежать без оглядки, но тут же останавливалась, словно прикованная к месту волшебной силой. Действительно, за ней кто-то шел, не смея и не желая себя обнаружить. То был Альберт. Чуждый мелкого притворства, именуемого приличием, и чувствуя себя в силу своей великой любви выше

всякого ложного стыда, он через минуту вышел вслед за нею, решив без ее ведома охранять ее и помешать соблазнителью приблизиться к ней. Андзолето заметил эту наивную поспешность, но это его не очень встревожило: он слишком хорошо видел смущение Консуэло, чтобы не счесть свою победу обеспеченной; к тому же мелкие победы развили в нем чудовищное самомнение, и он решил не ускорять событий, не раздражать свою возлюбленную, не приводить в ужас семью. «Мне незачем теперь спешить, — говорил он себе. — Гнев придал бы ей только силы, тогда как мой скорбный, подавленный вид уничтожит остаток ее злобы против меня. У нее гордый ум — обратимся к ее чувствам. Она, без сомнения, менее сурова, чем была в Венеции, здесь нрав ее смягчился. Не беда, если сопернику выпадет лишний счастливый денек, — завтра она будет моей, а быть может, еще и этой ночью. Увидим! Не будем ее запугивать, подстрекая к какому-нибудь отчаянному решению. Она не выдала меня. Из жалости или из страха она предоставляет им считать меня ее братом, а старики, несмотря на все мои глупости, решили терпеть меня из любви к ней. Я добился своего быстрее, чем надеялся, — можно и передохнуть».

И граф Христиан, и канонисса, и капеллан были чрезвычайно удивлены, заметив, как внезапно изменились к лучше-му манеры Андзолето, как скромн стал его тон, как тихо и предупредительно он стал держать себя. Андзолето дипломатично пожаловался шепотом капеллану на сильнейшую головную боль, прибавив, что вообще очень воздержан в отношении вина, а тут выпил за обедом венгерского, не имея понятия о его крепости, и оно ударило ему в голову. Минуту спустя его признание было сообщено по-немецки канониссе и графу, который отнесся к этой попытке молодого человека оправдаться с большою теплотой. Венцеслава сначала была менее снисходительна, но усилия лицемера понравиться ей, почти-тельное восхваление дворянства, восторженные отзывы о порядке, царившем в замке, — все это не замедлило обезоружить ее благожелательную незлопамятную душу. Сперва она его слушала от нечего делать, но под конец заинтересовалась разговором и согласилась с братом, что Андзолето прекрасный, очаровательный молодой человек.

Через час Консуэло вернулась с прогулки; это время не пропало даром для Андзолето. Он успел так расположить к се-

бе всю семью, что был уже уверен в возможности оставаться в замке столько дней, сколько ему понадобится для достижения своей цели. Он не понял, что говорил по-немецки старый граф Консуэло, но догадался по тому, как смотрел на него Христиан, и по удивленному и смущенному виду молодой девушки, что старый граф рассыпался в похвалах по его адресу и даже слегка пожурил ее за недостаток внимания к такому милому брату.

— Послушайте, синьора, — обратилась к ней канонисса, которая, несмотря на всю свою неприязнь, все-таки желала ей добра, да к тому же считала это делом благочестия. — Вы за обедом сердились на своего брата, и, надо сказать правду, он этого заслуживал, но он лучше, чем показался нам сначала. Брат нежно любит вас и только что много говорил о вас с глубоким чувством и даже с уважением. Не будьте же к нему более строги, чем мы. По моему глубокому убеждению, он очень огорчен тем, что выпил лишнее за обедом, а особенно — из-за вас. Поговорите с ним, не будьте холодны с человеком, столь близким вам по крови. Возьмите пример с меня: хоть мой брат, барон Фридрих, в юности и любил меня поддразнивать, и даже часто очень сердил, я никогда не могла и часа быть с ним в ссоре.

Консуэло, не смея ни разубеждать добрую старушку, ни поддерживать ее заблуждение, была сражена этой новой атакой Андзолето, сила и ловкость которого были для нее очевидны.

— Вы не поняли, что сказала моя сестра? — спросил Христиан молодого человека. — Сейчас переведу в двух словах: моя сестра упрекнула Консуэло за то, что она уж слишком по-матерински строга с вами. А я уверен, что сама Консуэло жаждет помириться. Поцелуйтесь же, дети мои! Ну, милый юноша, сделайте первый шаг и, если у вас в прошлом и были какие-нибудь прегрешения по отношению к ней, покайтесь, чтобы она вас простила.

Андзолето не заставил повторять это дважды. Схватив дрожащую руку Консуэло, не решившуюся отнять ее, он проговорил:

— Да, я был страшно виноват перед нею — так раскаиваюсь, что все мои попытки забыться только еще больше разбивают мне сердце. Она прекрасно знает это, и, не будь у нее железной души, гордой, как власть, и беспощадной, как доб-

родитель, она поняла бы, что я и так уже достаточно наказан угрызениями совести. Прости меня, сестра, и верни мне свою любовь, не то я сейчас же уеду и буду скитаться по белу свету в отчаянии, одиночестве и тоске. Всюду чужой, без поддержки, без совета, без привязанности, я не смогу больше верить в Бога, и мои заблуждения падут на твою голову.

Эта покаянная речь чрезвычайно растрогала графа и вызвала слезы у доброй канониссы.

— Слышите, Порпорина! — воскликнула она. — Его слова прекрасны и справедливы. Господин капеллан, вам следует именем веры приказать синьоре помириться с братом.

Капеллан уже собирался было вмешаться в это дело, но Андзолето, не дождавшись его проповеди, схватил в объятия Консуэло и, несмотря на ее сопротивление и испуг, страстно поцеловал перед самым носом капеллана в назидание присутствующим.

Консуэло, в ужасе от столь наглого обмана, решила положить этому конец.

— Довольно! — проговорила она. — Господин граф, выслушайте меня...

Она готова была все рассказать, но тут вошел Альберт. И тотчас мысль о Зденко сковала страхом ее душу, готовую открыться. Неукротимый покровитель Консуэло был способен без шума и без лишних слов освободить ее от врага, которого она собиралась разоблачить. Она побледнела, с горестным упреком взглянула на Андзолето, и слова замерли на ее устах.

Ровно в семь часов вечера все уселись за стол ужинать. Если столь частые трапезы способны лишить аппетита моих изящных читательниц, я принужден им сказать, что мода воздерживаться от пищи была не в чести в те времена и в той стране. Кажется, я уже упоминал о том, что в Ризенбурге кушали медленно, плотно и часто — чуть ли не половина дня проходила за обеденным столом; и, признаюсь, Консуэло, с детства поневоле привыкшая довольствоваться в течение дня несколькими ложками сваренного на воде риса, находила эти гомерические трапезы смертельно длинными. Впервые она не смогла дать себе отчет в том, сколько длился этот ужин — час, мгновение или столетие. Она так же мало сознавала, что существует, как и Альберт, когда он бывал один в своем гроте.

Ей казалось, что она пьяна, до такой степени стыд, любовь и ужас владели ею. Она ничего не ела, не слышала, ничего не видела вокруг себя. В смятении, подобно человеку, летящему в пропасть и видящему, как одна за другой ломаются непрочные ветки, за которые он пытается удержаться, она глядела на дно бездны, и голова ее шла кругом. Андзолето сидел подле нее, он задевал за ее платье, то и дело касался локтем ее локтя, а ногой — ее ноги. Стремясь ей услужить, он дотрагивался до ее рук и на миг удерживал их в своих, но этот миг, это жгучее пожатие заключали в себе целый мир наслаждений... Тайком он шептал ей слова, от которых можно было задохнуться, пожирал ее глазами... Пользуясь мгновением, мимолетным, как молния, он менялся с ней стаканом и прикасался губами к хрусталу, до которого только что дотрагивались ее губы. Он умел быть пламенем для нее и холодным, как лед, в глазах других. Он премило держал себя, учтиво разговаривал, был чрезвычайно внимателен к канониссе, преисполнен почтения к капеллану, предлагал ему лучшие куски мяса и сам нарезал их с грациозной ловкостью человека, привыкшего к хорошему столу. Он заметил, что благочестивый отец был лакомкой, но по своей застенчивости нередко ограничивал себя по части чревоугодия. Капеллану пришлось весьма по вкусу предупредительность молодого человека, и он стал желать, чтобы этот новый кравчий до конца дней своих пробывал в замке Исполинов. Все заметили, что Андзолето пил только воду, и когда капеллан, как бы в ответ на его любезность, предложил ему вина, он проговорил во всеуслышание:

— Тысячу раз благодарю, но больше я уже не попадусь. Ваше прекрасное вино, в котором я недавно пытался найти забвение, коварно. Теперь мои горести миновали, и я возвращаюсь к воде, своему обычному напитку и верному другу.

Все засиделись несколько дольше обычного. Андзолето вновь пел и на этот раз — для Консуэло. Он выбирал произведения ее любимых старинных композиторов, которым она сама обучила его, и исполнял их старательно, со вкусом и тонкостью, как она всегда от него требовала. То было новое напоминание о самых дорогих, самых чистых минутах ее любви и увлечения искусством.

Когда все собрались расходиться, Андзолето, улучив минуту, шепнул ей:

— Я знаю, где твоя комната; меня поместили в том же коридоре. В полночь я встану на колени у твоей двери и простою так до утра. Не откажи выслушать меня хоть минуту. Я не порываюсь снова завоевать твою любовь — я ее не стою. Знаю, что ты больше не можешь любить меня, знаю, что другой очастливлен тобой и мне надо уехать. Уеду я с глубокой скорбью в душе, и остаток дней моих будет отдан во власть фуриям. Но не выгоняй меня, не сказав мне слова сострадания, не сказав «прости»! Если ты откажешь мне в этом, я с рассветом уеду и тогда уже погибну навсегда.

— Не говорите так, Андзолето. Мы должны расстаться с вами сейчас и расстаться навек. Я вам прощаю и желаю...

— ...доброго пути, — ироническим тоном закончил он и, тотчас возвращаясь к своему лицемерию, продолжал: — Ты безжалостна, Консуэло. Ты хочешь, чтобы я окончательно погиб, чтобы во мне не осталось ни единого доброго чувства, ни единого хорошего воспоминания. Чего ты боишься? Не тысячу ли раз доказывал я тебе свое уважение, чистоту своей любви? Когда любишь безумно, разве не становишься рабом? Неужели ты не знаешь, что одного твоего слова достаточно, чтобы укротить, поработить меня? Ради бога, если только ты не возлюбленная того человека, за которого выходишь замуж, если он не хозяин твоей комнаты и не неизбежный компаньон твоих ночей...

— Он не возлюбленный мой и никогда им не был, — прервала его Консуэло тоном горделивой невинности.

Было бы лучше, если бы она подавила в себе этот гордый порыв, хотя и вполне обоснованный, — он был слишком чистосердечен сейчас. Андзолето не был трусом, но он любил жизнь, и, рассчитывая он найти в комнате Консуэло отважного стража, молодой итальянец преспокойно остался бы у себя. Правдивые нотки, прозвучавшие в ответе молодой девушки, окончательно придали ему смелости.

— В таком случае я не погублю твоего будущего, — сказал он, — я буду так осторожен, так ловок, войду так беззвучно и буду так тихо говорить, что не поврежу твоей репутации. Да к тому же не брат ли я тебе? Что ж удивительного, если бы, уезжая на рассвете, я пришел с тобой проститься.

— Нет, нет, не приходите! — в ужасе проговорила Консуэло. — Покои графа Альберта находятся рядом, а что, если он догадается обо всем?.. Андзолето, если вы подвергнете себя